

АДВОКАТСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Ева Львова

Адвокат олигарха

Адвокатский детектив

Ева Львова

Адвокат олигарха

«ЭКСМО»

2012

Львова Е.

Адвокат олигарха / Е. Львова — «Эксмо», 2012 — (Адвокатский детектив)

ISBN 978-5-699-58888-6

К адвокату Агате Рудь обратился Аркадий Иванов, муж директора культурного центра «Истина Соло». Собственная жена обвинила его в краже святыни центра – так называемого Уха Энки, сделанного из чистого золота и украшенного драгоценными камнями. У следствия есть неопровержимое доказательство – видеозапись с камер наблюдения. На ней запечатлено, как в ночь исчезновения артефакта Иванов в обществе неизвестной белокурой дамы роется в сейфе, где хранилась реликвия. Аркадий подтвердил: он действительно был в кабинете, но в другой день. Он считает, что реликвию украл и ловко свалил на него вину Феликс Белякович, начальник службы безопасности центра и по совместительству любовник его жены... Рьяно взявшись за работу, Агата познакомилась со следователем Олегом Оболенским, ведущим это дело, и убедилась – кое-что клиент решил от нее скрыть...

ISBN 978-5-699-58888-6

© Львова Е., 2012

© Эксмо, 2012

Ева Львова

Адвокат олигарха

Бывает так, что день не задается с самого утра. И особенно обидно, когда все идет наперекосяк не по твоей вине. Приехали в Лианозово мы вроде бы не поздно, и я подумала, что успею сделать все, что наметила. Если бы я знала, что застряну у входа на целых полтора часа, то ни за что не взяла бы Бориса на блошинный рынок. Вдали призывно виднелись развалы с разномастным добром, а я бездарно теряла время у палатки с хот-догами. Кудрявый друг ел уже третью булку с сосиской, и мне казалось, что этому кошмару не будет конца.

– Ты набрала мелочь на чаек? – с набитым ртом осведомился Устинович-младший, деловито заглядывая мне через плечо.

Я перестала рыться в сумке, развернулась на каблуках и кинула на приятеля уничтожающий взгляд.

– К твоему сведению, обжорство – это такая же зависимость, как алкоголизм и наркомания, – сурово заметила я, извлекая из-за подкладки завалившиеся пять рублей.

– Никакое это не обжорство, просто у меня хороший аппетит, – широко улыбнулся Борька. – Да и сосиски у них кошерные. Можно сказать, былинные сосиски. Эпические.

Я окинула взглядом упитанный живот коллеги, обтянутый шерстяным пальто, и ядовито заметила:

– Они же халяльные. Или расово верные. Подумать только – эпические сосиски! Звучит грандиозно. Надо будет запатентовать: сосиски былинные «Илья Муромец» и пельмени эпические «Звездные войны».

Младший сын моего шефа Борис Устинович, которого друзья называют Джуниор, не такой уж большой оригинал, как может показаться на первый взгляд. Он просто поклонник интернет-портала «Луркморье», где в чести такие вот слова и выражения. И, хотя мы с приятелем трудимся в уважаемой адвокатской конторе «Устинович и сыновья», Борька все равно частенько засоряет свою речь интернет-жаргоном. Ценитель былинных сосисок отправил в рот последний кусок «хот-дога», вытер руки о салфетку и удовлетворенно заключил:

– Ну все, чуть менее чем полностью я сыт. Можем возвращаться к машине.

– То есть как это к машине? – оторопела я. – А пройтись по блошиному рынку?

Сегодня, в свой редкий выходной, я встала ни свет ни заря, собираясь по-быстренькому позавтракать бутербродами и отправиться в Лианозово. Каждую неделю я выбираюсь на развалы в надежде отыскать какую-нибудь примечательную фигурку животного, которые коллекционирую, и, надо сказать, частенько мне это удается. И вот, вытираясь после душа, я услышала звонок. Стоило мне открыть дверь, как в квартиру самым бесцеремонным образом ввалился Джуниор. В руках он держал внушительный сверток, в котором оказался приличный кусок окорока килограмма на три.

– Привет, Агата, – улыбнулся приятель. – У тебя чеснок есть? Включай духовку, будем запекать свининку.

На приготовление пищи ушло два с половиной часа драгоценного времени, после чего еще минут двадцать Борька свое творение ел. Насытившись, кудрявый друг настоял, чтобы я взяла его с собой подышать свежим воздухом. На платформе Лианозово коллега кинул якорь у палатки с хот-догами, и битый час я ждала, пока Джуниор набьет фастфудом свою ненасытную утробу, все еще простодушно лелея в душе надежду неторопливо и со вкусом пройтись по рядам и отыскать что-нибудь уникальное. И вот тебе пожалуйста: нигде еще не были, а уже пора ехать обратно!

– Борь, ну может, по-быстренькому пробежимся вдоль рядов? – захныкала я.

– На это нет времени, – оповестил меня кудрявый друг, ковыряя в зубах этикеткой от чайного пакетика. – Ты что, забыла? Через полчаса у тебя встреча с клиентом.

– Ты хочешь сказать, что приехал на другой конец Москвы просто покушать? – горько усмехнулась я, с ненавистью рассматривая редкие конопушки на большом горбатом носу Устиновича-младшего и его нахальные глаза, кротко взирающие на меня сквозь густые черные ресницы.

В этот момент я была готова вцепиться Борису в медную шевелюру, но, секунду поколебавшись, отказалась от подобного способа восстановления душевного равновесия. Таскать Борьку за волосы все равно бесполезно, его уже не переделаешь, только опозоришься на людях. Следующей мыслью было позвонить клиенту и перенести встречу на другой день, но я тут же взяла себя в руки. От шикарных клиентов отказываются только утратившие чувство реальности адвокаты типа Джуниора, как случилось в тот раз, когда Устинович-младший поленился ехать к владельцу «Порше». Лихой гонщик протаранил палатку с мороженым и отказывался компенсировать ущерб, но Борьке было недосуг его защищать, потому что он валялся на диване и дочитывал «Девушку с татуировкой дракона» Стига Ларссона. Папаша Устинович тут же переключил «поршивца» на Леонида – благо помимо младшего оболтуса есть в нашей конторе старший исполнительный сынок, и проблема была так или иначе решена. Я не Борька, я не могу себе позволить манкировать состоятельными клиентами – начальство не поймет. Если мне назначили встречу на два часа дня – хочешь не хочешь, а в это время я обязана быть в офисе. Тоскливо оглядев ряды выставленных на продажу безделушек, в которых я так и не успела порыться, я, скрипнув зубами, двинулась к машине и уселась за руль. Дождалась, пока Борька, кряхтя и отдуваясь, плюхнется рядом, и дала по газам.

* * *

Клиент, поджидавший меня в адвокатской конторе, был не прост. Аркадий Иванов, супруг директрисы Культурного центра Бажена Соло, позвонил мне вчера вечером и попросил о встрече. В голосе его звучало сильное волнение, а вопрос, который Аркадий Всеволодович собирался обсуждать, был, как он выразился, «не для телефонной беседы». Признаюсь, клиент меня здорово заинтриговал, напустив туману, ну да это и неудивительно. Что-что, а интриговать господ И Ивановы умеют преотлично. Познакомилась я с этой парочкой при весьма трагических обстоятельствах – их племянника Володю Мызина обвиняли в убийстве декана института, в котором парень учился. Вот тогда-то я в первый раз и побывала в Культурном центре на Ярославском шоссе, продвигающем в массы религию Бажена Соло. Роскошное здание, толпы адептов учения великого старца, развалы эзотерической литературы в фойе – все свидетельствовало о том, что проект Лидии Сергеевны и Аркадия Всеволодовича коммерчески успешен и приносит немало денег. И вот теперь мне предстояло добраться до офиса и узнать, что же случилось в благополучной семье Ивановых на этот раз.

Всю дорогу я злилась на Борьку, вынашивая планы мести. И уже на подъезде к Маросейке придумала иезуитский ход – разыскать в Интернете клуб обжор и запихнуть в него приятеля, дабы неповадно ему было своим хорошим аппетитом срывать людям давно намеченные планы. Как только я приняла это решение, настроение мое улучшилось, и я стала прислушиваться, о чем рассуждает Устинович-младший. Оказалось, что Джуниор, как и я, ломает голову над целью визита в нашу контору Аркадия Всеволодовича.

– Вот я и говорю, – уловила я финальную часть его речи, – должно быть, господин Иванов вместе с Лидией заморочили голову очередному простаку, и родственники обманутого последователя учения Бажена Соло подали на аферистов в суд.

Для тех, кто не знает, скажу, что Бажен Соло прославился в начале двадцатого столетия не только как художник, рисовавший inferнальные горные хребты, но и как создатель философского учения, нашедшего последователей во всем мире. Мы с Борькой уже сталкивались с супругой великого старца Моной Роз, которую адепты Бажена Соло чтут как Великую Мать

всех народов. В тонкости учения мы как-то не вникали, но даже стороннему наблюдателю было заметно, что нынешние руководители духовного сообщества аферисты еще те. В принципе, я была согласна с приятелем – рано или поздно кто-нибудь непременно должен был подать на Культурный центр в суд.

Однако в конторе выяснилось, что Боря ошибается. Коротая время до нашего приезда, бессменная секретарша «Устиновича и сыновей» Кира Ивановна Пермская поила клиента чаем. Стоило нам появиться на пороге, как Аркадий прервал чаепитие и поднялся с места.

– Ну, наконец-то! – потирая руки, устремился он к дверям. – Здравствуйте, Агата! Приветствую вас, Борис! Вы, господин Устинович, изрядно изменились с нашей последней встречи. По-моему, прибавили немного в весе?

– Да нет, это пальто неудачное, – потупился приятель, помогая мне раздеться.

– А я весь извелся, места себе не нахожу! – продолжал рокотать клиент, не обращая внимания на Борькины рефлексии. – Вот, Кире Ивановне рассказываю. Не поверите: Лидия обвинила меня в краже Уха Энки и подала на развод.

– В краже чего обвинила? – переспросила я, расчесывая торчащие в разные стороны вихры и думая, что ослышалась.

На моей адвокатской памяти много чего крали, но вот уши загадочного Энки воровали в первый раз.

– Аркадий рассказывает, – подхватила Кира Ивановна с плохо скрываемым восторгом от пикантности ситуации, – что это было как в кино. Представьте себе банальнейший адюльтер: муж в неурочное время возвращается домой и застаёт жену с молодым любовником...

– Ну да, Лида завела интрижку с Феликсом Беляковичем, начальником службы безопасности Культурного центра, – кивнул головой Аркадий, поправляя очки, и усы его распушились, как у обиженного кота. На вопрос об ухе он не ответил, предпочитая рассказывать в первую очередь о том, что задело его сильнее всего. – И после того как я застал их в нашей спальне, супруга указывает мне на дверь и заявляет, что со мной разводится! Я, естественно, не выдержал и сгоряча наговорил лишнего.

– И что же вы, господин Иванов, наговорили? – с интересом осведомился Борис, доедая пирог, выставленный на тарелке перед клиентом.

Проводив взглядом последний кусок слоеного лакомства, скрывшийся во рту Джуниора, Аркадий потерял ус и смущенно проговорил:

– Ну-у, сказал, что раз так, то я заберу ухо Энки, создам альтернативный Центр и уведу всех наработанных поклонников Бажена Соло. Вы поймите, я был в запале, не понимал, что несу!

– И в результате увели? – понимающе улыбнулась я, убирая подальше от приятеля коробку конфет «Коркунов», гостеприимно красующуюся на стойке секретаря, к которой Джуниор уже протянул алчную лапу.

– Даже в мыслях не было! – горячо проговорил клиент, прижимая взволнованно подрагивающую от волнения ладонь к груди. – Я это просто так сказал, чтобы Лиду напугать. Поймите мои чувства, – скривился он, – Лида, с которой я прожил десять счастливых лет, и вдруг этот Феликс...

– Так Феликс и спер это самое ухо, – уверенно проговорил Борис, огибая стойку, чтобы подобраться к конфетам с другой стороны. – А кстати, что это за штука такая – Ухо Энки?

– Да я и сам толком не знаю, – пожал плечами Аркадий. – Эдакая витая раковина из золота, усыпанная сапфирами, изумрудами и рубинами, – сделал он неопределенный жест рукой. – В общем, святыня нашего общества, над которой Лида тряслась как над ценнейшей реликвией.

– А для чего оно нужно? – заинтересовалась Кира Ивановна, рассеянно наблюдая, как Борька несет с кухни сахарницу и чайную ложку. – Помимо материальной ценности, есть у него какое-нибудь назначение?

– Бытует мнение, что вибрации артефакта излечивают все известные болезни, – неуверенно проговорил клиент, внимательно следя, как ложка за ложкой исчезают белые сахарные кристаллы в прожорливой пасти Устиновича-младшего. – Поэтому Ухо мог украсть кто-то из нашего общества, адепты Бажена веруют в его магическую силу.

– Да и камни недешевые, – встряла в беседу я, пытаясь забрать сахарницу из рук Устиновича-младшего. – Их можно выгодно продать и неплохо заработать.

Борька окинул меня сердитым взглядом, задержавшись на сахарнице, которую я у него все-таки отобрала, и ехидно произнес:

– Да ты у нас, Агата Львовна, Капитан Очевидность. За очевидными вещами обращайся к Капитану Очевидности. Хотя с такой очевидной вещью, как ценность драгоценных камней, может не справиться даже он. Тогда адмирал Ясен Хрен тебе точно поможет.

– Где хранилось Ухо Энки до исчезновения? – пропустила я мимо ушей остроты обиженного приятеля, пряча сахар в тумбочку с бумагами, и достала из ящика стола блокнот, готовясь записывать сведения по делу.

– В сейфе у жены, в ее кабинете, где же еще, – пожал плечами визитер. – В духовном обществе «Истина Соло» обрядовой стороной занимается Лида, а я отвечаю только за благотворительный фонд.

– У кого были ключи от сейфа? – задавала я уточняющие вопросы, рисуя в блокноте чертиков – верный способ привести мысли в порядок.

– Только у Лиды, но есть еще дубликат, он хранится у нас дома в кабинете.

– Значит, теоретически вы, Аркадий Всеволодович, могли взять в кабинете ключи и забрать из сейфа Ухо Энки? – прищурился Борис.

– Теоретически мог, – не стал отпираться клиент, – но я этого не делал. Хотя Лида и считает, что именно я похитил артефакт.

– А как у вас насчет алиби? – поинтересовалась я.

– В ночь ограбления мы с Лидой всю ночь были дома, – поспешно откликнулся клиент. – Спросите у нее, если не верите.

Чуть помявшись, Аркадий подергал правый ус, поправил очки и сдавленно проговорил:

– Я, собственно, почему к вам пришел... Если я не верну Ухо, жена грозит затаскать меня по судам и посадить за ограбление, а мне бы этого не хотелось. Я человек немолодой, привык к определенному комфорту и образ жизни менять мне будет трудновато. Сегодня в пять меня ждет следователь Оболенский, который занимается этим делом. Агата Львовна, вы составите мне компанию в качестве моего адвоката?

– Можете не сомневаться, составим, – оживился Борис, как будто это его приглашали прогуляться к следователю.

– Тогда я спокоен, – просиял клиент, поднимаясь со стула. – Значит, без пяти пять я жду вас у нашего районного отделения полиции. Всего вам хорошего, Кира Ивановна. С остальными я не прощаюсь.

Я проводила взглядом невысокую приземистую фигуру в дорогом костюме, скрывшуюся за дверью, и повернулась к Борису.

– И что ты обо всем этом думаешь? – прищурилась я.

Ехидство в моем голосе звучало не случайно. Когда мы вытаскивали из СИЗО Володю Мызина, кудрявый друг проявил небывалое рвение, взяв на себя общение с Лидией Сергеевной, которая и за адвоката-то меня не считала. Не подумайте, что я ревную, но мне показалось, что Устинович-младший немного увлекся тетушкой Мызина. Однако на мой каверзный вопрос ответил вовсе не Борька, а наша секретарша.

– Ловко, ничего не скажешь! – покачала головой Кира Ивановна. – Помню, когда я только пришла работать в контору, у одного из наших адвокатов была клиентка – заведующая гастрономом у Рижского рынка. Так эта дама перед разводом специально припрятала свои драгоценности, стоившие бешеных денег, чтобы оклеветать мужа.

– По-моему, отлично придумано! – одобрила я. – Женушка подает на развод, а затем обвиняет мужа в краже дорогостоящей вещи. Бедолагу упекают лет на пять, и таким образом предприимчивая дамочка убивает сразу двух зайцев – избавляется от постылого супруга и прикарманивает себе нажитое в браке имущество. Я думаю, Лидия так и собирается поступить.

– А я ставлю на молодого любовника, – меланхолично проговорил Борис, поднимаясь из кресла и направляясь к своему столу. На ходу он достал бумажник, вынул из него купюру и протянул секретарше. – Кира Ивановна, сделайте одолжение, примите тысячу рублей в качестве ставки. Я полагаю, что Феликс позарился на драгметалл и камушки и подрезал из сейфа Лидии это самое Ухо. Пожалуй, я погуглю Инет в поисках инфы о похищенном артефакте. А вы, Кира Ивановна, поставьте-ка поскорее чайник. Есть хочется прямо-таки эпически.

* * *

Уже через десять минут «гугления» мы знали, что в начале двадцатого столетия художник-пейзажист Александр Мызин искал в Гималаях живописные хребты для создания бессмертных полотен, но нашел скрытый в горах город из белого камня, в котором обитали учителя Махатмы. Правитель белокаменного города, который назвался Учителем Учителей по имени Энки, принял Мызина как дорогого гостя и поведал ему, что все проблемы человечества происходят оттого, что люди не почитают сосны. Ведь сосны – это антенны, принимающие из космоса сигналы от Высшего Разума. Следовательно, сосновая смола является сублимацией космической энергии, наполняя до краев вселенской мудростью того, кто прибегает к ней как к средству просветления. И если человечество хочет спастись, оно должно все свободные участки земли засадить соснами, а уже имеющиеся деревья хранить как зеницу ока и шире использовать целебную древесину в быту. Просветив Александра Мызина, Учитель Учителей нарек художника Баженом Соло и, благословив, отправил нести учение в массы. А чтобы из горного далека давать ему советы и диктовать мудрые мысли, он вручил гостю золотую раковину с самоцветами, по форме напоминающую ухо, которую находчивый Мызин тут же окрестил Ухом Энки. Если просветленный человек приложит эту раковину к уху, он услышит голоса Махатм. Прошло время, учение о соснах возмужало и окрепло, но время от времени с горных вершин спускается Великая Мать всех народов Мона Роз, чтобы лично убедиться, как у человечества идут дела. В ее присутствии Ухо Энки наливается новой порцией космической силы и обретает магическую мощь, выливая истинно верующих в силу сосен адептов учения просветленного Бажена от всех известных науке болезней. Если верить Интернету, единственным монополистом на торговую марку «Бажено Соло» является Культурный центр на Ярославском шоссе, возглавляемый Лидией Ивановой, и духовное общество «Истина Соло» под ее началом, все остальные общества поклонников посвященного старца – наглые самозванцы и вероломные обманщики. Но самый злокозненный самозванец – американский проповедник Санта Патрик, основавший секту «Баженова мудрость» и извративший учение старца до гнусной ереси.

– Вот теперь я все понял, – сладко потянулся Борис, оторвавшись от монитора. – На эзотерическом поле Москвы расстановка сил такова – «истиносоловцы» против «баженомудров». Хотел бы я знать, знают ли адепты преподобного, что на самом деле старик встретил Великую Мать всех народов вовсе не в Гималаях, как пишут в этих их Интернетах, а путешествуя по тюрьмам, куда в первую очередь стремился донести свое учение, ибо в тюрьме народ наиболее внушаем и падок на всякую чушь?

– Что-то в статье об этом особо не распространяются, – усмехнулась я. – Да и госпожа Иванова, надо думать, молчит.

Кира Ивановна вынула из сумочки тысячу рублей и со словами: «Сдается мне, что артефакт припрятала все-таки Лидия», – положила деньги поверх Борисовой тысячи. Я присоединилась к коллегам, соригинальничав и поставив на Мону Роз. Чем не подозреваемая? Я вполне допускаю, что бедняжке надоело сидеть в своих горных чертогах и безропотно наблюдать, как прохиндеи Ивановы загибают жар ее руками. Может, Великая Мать всех народов захотела сама создать общество имени любимого супруга, гоdivшегося ей в прадедушки? Я видела эту даму: если судить по решительному лицу и жесткой складке губ, она способна на многое.

Пока мы устраивали импровизированный тотализатор, средства от которого планировалось пустить на сладости для гостей конторы, у двери звякнул колокольчик. Кира Ивановна в недоумении пожала плечами и устремилась в приемную, встречать новых посетителей. Мы с Борей как раз вводили в Гугл запрос о Моне Роз, когда притихшая секретарша ввела в офис госпожу Иванову.

* * *

– Добрый день, я к вам за помощью, – приветливо улыбнулась посетительница, окидывая присутствующих настороженным взглядом.

Милая ухоженная женщина между тридцатью и пятьюдесятью, Лидия Сергеевна вовсе не выглядела домашним тираном, о котором рассказывал господин Иванов. Если бы я не знала ее лично, я бы усомнилась в правдивости слов клиента. Но предыдущий опыт общения с госпожой Ивановой научил меня не доверять впечатлениям, а делать выводы исходя исключительно из фактов. Все сдержанно поздоровались с посетительницей, после чего я выждала для приличия несколько минут и, видя, что никто из присутствующих не горит желанием начать беседу на отвлеченные темы, перешла непосредственно к делу.

– Ходят слухи, вы с мужем разводитесь? – невинно осведомилась я, прихлебывая чаек.

– Насколько я понимаю, Аркадий уже приходил? – иронично дернула уголок рта посетительница.

– Вы правы, у нас был господин Иванов. И теперь мы представляем его интересы, – сознался Боря, стыдливо застегивая пуговку на брюках, которую расстегнул во время чаепития, чтобы они не давили на живот.

Лидия перестала улыбаться и смерила кудрявого друга убийственным взглядом.

– Что-то, Борис, вы располнели, – холодно заметила она. – Стали похожи на артиста Полицеймако.

– Спасибо, мне многие говорят, что я хорошо выгляжу, – потупился приятель, в присутствии Лидии глупея прямо на глазах. Это был плохой знак, и, чтобы привести Джуниора в чувство, я изловчилась и пихнула его под столом мыском сапога. Борис расплылся в самодовольной улыбке, неправильно истолковав мой мессадж.

– Ну да это неважно, – отмахнулась посетительница, без приглашения усаживаясь в кресло. – Я, собственно, для чего к вам пришла? Мне очень нужно вернуть духовному обществу «Истина Соло» похищенное Ухо Энки. Зная ваши методы работы, я не сомневаюсь, что вы с этим справитесь лучше полиции и заставите Аркадия принести назад то, что он украл.

– То есть вы на сто процентов уверены, что именно ваш муж забрал из сейфа реликвию? – уточнила я.

– Кроме него, больше никому, – согласилась госпожа Иванова, склоняя к плечу хорошенькую головку с тщательно прооперированным лицом и сквозь прищуренные ресницы призывно посматривая на Джуниора.

– А как же ваш юный друг Феликс? – обиженно пропыхтел Устинович-младший.

– Белякович тут ни при чем, – насторожилась женщина при упоминании имени любовника, принимая оборонительную позу и миглом теряя напускную беззащитность.

Перейдя в наступление, глава духовной общины покинула кресло и уперла руки в боки, напоминая в этот момент торговку с Привоза, которой недодали рубль.

– Это вам Аркадий глупостей наговорил? – визгливо осведомилась она. – К вашему сведению, он сам хорош! Знаете, какая недостача в благотворительном фонде, которым управляет мой муж? Куда он дел восемь картин преподобного? Я случайно зашла в хранилище и была поражена – самые лучшие произведения Бажена исчезли в неизвестном направлении! А спросите Аркадия, где деньги? Интересно, что он вам ответит?

– И что он нам ответит? – лениво уточнил Борис, дразня старую знакомую.

– А вы попробуйте, – уклончиво ответила Лидия, снова усаживаясь в кресло. – А еще спросите, зачем он неделю назад поджег мой кабинет!

– У вас есть доказательства противоправного поступка господина Иванова, в смысле поджога? – включилась я в перепалку.

– Откуда? – сердито буркнула посетительница. – Если бы у меня были доказательства поджога, Аркадий давно бы сидел в тюрьме. Я уверена, что мой муженек не знал, как ему подобраться к Уху Энки, которое всегда хранилось в сейфе, намудрил с проводкой, отключая камеру видеонаблюдения, и сдуру учинил в кабинете пожар. К счастью, в ту ночь я оставила реликвию в бронированной витрине в зале собраний, о чем муж не знал, и всего лишь уничтожил половину кабинета, где находился сейф, и все документы, которые в нем лежали. Я не стала сообщать в полицию насчет пожара, а вызвала бригаду строителей. За два дня нам все отремонтировали, установили новый сейф, фирменный, надежный, с защитой от пожаров, а муженек все никак не уймется! Стащил запасные ключи и снова за свое. На этот раз я, само собой, сообщила о краже в полицию!

– То есть вы не знаете наверняка, совершал ли Аркадий Всеволодович деяния, которые вы ему инкриминируете, а просто возводите на мужа напраслину, на юридическом языке именуемую клеветой, – невозмутимо уточнила я, делая пометки в блокноте.

– Отнюдь, насчет похищения артефакта я абсолютно уверена. У следователя Оболенского имеется запись с камер наблюдения.

– Вы что же, хотите сказать, что у Аркадия нет алиби? Вроде бы он говорил, что вы вместе в ночь ограбления были дома.

– Видите ли, Агата Львовна, я тогда страшно устала, – невозмутимо откликнулась собеседница. – Я приняла снотворное и рано легла спать, а чем занимался Аркадий – понятия не имею. Кроме того, я точно знаю, что Аркадию постоянно нужны деньги, которых у него никогда нет, и мне известно, кто готов хоть завтра купить у него Ухо Энки.

– Кто же покупатель? – оживился Борис.

– Санта Патрик, вот кто! – брезгливо изогнув губу, откликнулась посетительница, практически плюнув в нас именем конкурента.

– А вы недолюбливаете этого парня, – проникательно прищурился Борис.

– Я его ненавижу! – даже не пытаясь скрыть бурлящего гнева, заявила Лидия. – Этот американский гастролер давно метит на наше место! Он и Мону Роз хотел переманить, но ничего у него не вышло. Что вы думаете, Патрик истинно уверовал в учение преподобного и вера привела его в Россию? Как бы не так! Проходимец специально приехал из Штатов, чтобы заморочить нашим последователям головы и выкачать из них побольше денег! Сколько труда положено, чтобы создать империю Соло, а этот аферист пришел на все готовое, сейчас снимет сливки, а мы останемся у разбитого корыта! Я не сомневаюсь, что в ближайшее время Ухо Энки обнаружится у него!

– С чего это вы решили, что вор станет продавать артефакт? – усомнилась я. – Может, он собирается создать свое общество последователей Бажена Соло и украсить его Ухом Энки? И назовет его, скажем, «Баженосольцы». Ведь это неплохой бизнес, насколько я понимаю.

– Знаю я этого вора, кишка у него тонка! – вспыхнула Лидия, и узкие глаза ее сделались еще уже. – Раз уж вы представляете интересы моего мужа, сделайте одолжение, доведите до его сведения, что лучше Аркаше по-хорошему вернуть артефакт. Я не шучу, он меня знает!

Рывком поднявшись с кресла, жена клиента перекинула через плечо элегантную сумочку и, покачивая бедрами, двинулась к выходу. В тот самый момент, когда за ней со стуком захлопнулась дверь, Кира Ивановна наконец-то закончила готовить чай для посетительницы и, лучезарно улыбаясь, всплыла с подносом в офис. Растерянно оглянувшись по сторонам, старушка поставила угощение на стол и ретировалась обратно в кухню. К столу тут же подсел Борис и принялся уплетать предназначавшийся госпоже Ивановой кусок торта.

– Лидия действительно считает, что ее обокрал муженек, – прочавкал Джуниор. – Девяносто девять процентов из ста, что она на самом деле не знает, где Ухо Энки.

Глядя, как кревоугодничают кудрявый друг, я решила, что пришло время применять превентивные меры, не дожидаясь заворота кишок. Я свернула сайт анонимных обжор, на котором торчала последние десять минут, и скомандовала:

– Борис Эдуардович, пора ехать, а то опоздаем в отделение к следователю Оболенскому!

Хитрость сработала. Все еще пребывая под впечатлением от визита мадам Ивановой, Джуниор даже не спросил, который час, а обреченно поднялся из-за стола, кинул печальный взгляд на остатки торта и направился к шкафу. Распахнув дверку, он натянул на необъятные тела шерстяное пальто, жалобно треснувшее под мышками, намотал на шею полосатый шарф, расцветкой напоминающий беретку растамана, и галантно снял с вешалки мой плащ, держа его на вытянутых руках, как матадор мулету перед быком.

* * *

Площадка у отделения полиции оправдала мои ожидания – на ней не оказалось ни одного свободного места. Покрутившись среди машин, я втиснулась между «Маздой» и «Опелем», с трудом выбравшись наружу. Борис приоткрыл переднюю пассажирскую дверь, пытаясь просунуть голову в щель, в которую не пролезла бы и кошка.

– Догоняй! – через плечо кинула я приятелю, устремляясь к бетонным ступеням отделения, хотя отлично знала, что Борьке ни за что не выбраться из машины.

– Э-эй, Агата, стой! – возмущенно прокричал мне в след Джуниор, пытаясь пропихнуть в узкую щелочку сытую тушку. – Ты не можешь так со мной поступить! Это не православно!

Осознав тщетность своих попыток, кудрявый друг через пару минут смирился с неизбежностью и затих в салоне. Я специально остановилась у окна лестничного пролета между первым и вторым этажами, чтобы посмотреть, чем закончатся его потуги. Вдоволь налюбовавшись плененным Устиновичем-младшим, я бодро взбежала на третий этаж и притормозила у тридцать пятого кабинета, надеясь увидеть где-то поблизости Аркадия Всеволодовича. Однако клиента не оказалось ни на банкетке возле дверей, ни у окна напротив кабинета. В сумраке коридора его силуэт тоже не маячил. Озадаченная его отсутствием, я достала коммуникатор и набрала номер господина Иванова.

– Агата Львовна, простите великодушно, я стою в пробке на Ленинградке, и, похоже, никогда из нее не выберусь, – виновато вздохнул клиент. – Будьте так любезны, загляните к следователю без меня!

– И что я ему скажу? – без особого энтузиазма осведомилась я.

Одно дело – присутствовать при беседе подозреваемого с представителем следственных органов, и совсем другое – беседовать со следователем самой. Это, скажу я вам, удовольствие еще то. Но, в принципе, клиент имеет полное право засылать вместо себя адвоката, особенно если у него есть дела поважнее, чем встреча со следователем районного отделения полиции. У Аркадия, похоже, как раз нашлись такие дела, ибо во время его горячего монолога о пробках на Ленинградке отчетливо слышались звон вилки о тарелку и мужской голос, сдержанно поинтересовавшийся, не пора ли подавать горячее. Прежде чем положить трубку, я пожелала клиенту приятного аппетита, поправила платье, заложила за ухо челку, беспрерывно выбивающуюся из прически, и решительно постучала в дверь.

Кабинет следователя оказался небольшой квадратной комнаткой с двумя столами вдоль стен, в середине которой отжимался от пола подтянутый брюнет. Я обвела глазами крохотное помещение и встретила глазами с любителем спорта.

– Добрый день, вы не подскажете, где мне найти следователя Оболенского? – деловито осведомилась я, шагнув в комнату и останавливаясь в десяти сантиметрах от руки физкультурника.

– Сто пятьдесят четыре, сто пятьдесят пять, – вместо ответа пропыхтел он и прыжком поднялся на ноги.

– Я следователь Оболенский, – приветливо откликнулся он, отряхивая ладони. – А ты свидетель по делу Дышевой?

– Нет, я адвокат по делу Иванова, – поправила я Оболенского, не зная, куда деваться от его заинтересованного взгляда.

Следователь присвистнул и, взъерошив пятерней волосы, уселся на край стола.

– Ничего себе, адвокаты пошли, – одобрительно заметил он, покачивая ногой в стильных туфлях из дорогой кожи. – А я подумал, что ты из столичного варьете, там на днях примадонне Дышевой в туфли битого стекла насыпали, дамочка изуродовала себе ноги и написала нам жалобу. Теперь разбираемся, кто злодей.

– Злодей – руководитель трупы, – не раздумывая, выпалила я, принципиально не отводя взгляда от мужественного лица собеседника, красивую форму головы которого подчеркивали слегка выющиеся черные кудри, производящие странное впечатление на фоне ярко-синих глаз. – Я читала в Интернете, что Алла Дышева подписала контракт с парижским кордебалетом, и тогда еще подумала, что ее начальство этого так не оставит.

– Интересная мысль, – протянул мой собеседник, указательным пальцем почесывая подбородок и давая мне возможность как следует рассмотреть часы «Патек Филипп», поблескивающие на запястье. – А я руководителя трупы как раз и не рассматривал как возможного преступника, а думал на приятельниц потерпевшей. Надо будет допросить руководителя. И как же зовут мою мудрую советчицу?

– Агата Львовна Рудь, – сухо откликнулась я, хотя в груди стало тепло и сладко, как в чашке с киселем, который так вкусно варит бабушка. – Может, мы все-таки перейдем к делу Иванова?

– А меня зовут Олег, – широко улыбнулся Оболенский, продолжая откровенно меня рассматривать. – Ты любишь кофе?

Я собиралась возмутиться в ответ на вульгарное «ты», на удивление органично прозвучавшее из уст следователя, и неожиданно для себя кивнула головой.

– Люблю.

– Тут за углом варят потрясающий кофе, – снова улыбнулся он, сверкнув белоснежными зубами. – Пойдем попьем кофейку и все обсудим.

И я, как зачарованная крыса за дудочкой Нильса, пошла к двери, собираясь идти за синеглазым красавцем-следователем хоть на край света. Наблюдая, как Оболенский снимает с вешалки шикарную кожаную куртку, как застегивает сумку-планшет и перекидывает ее через плечо, я рассеянно думала, что этот парень как-то странно на меня действует. Дожив до двадцати шести лет, я не раз бывала влюблена и знала, с чего все начинается. То же самое ощущение я испытала при первой встрече с Леонидом Устиновичем, но, к счастью, быстро разочаровалась в старшем брате Бориса. Предмет моего обожания недавно женился на первой красавице нашей конторы Маше Ветровой, и, глядя, во что превратила бурная семейная жизнь холеного красавца Леню Устиновича, я до сих пор искренне недоумеваю, где были мои глаза. Однако, следуя за Олегом, я бодрилась и не хотела себе признаваться в том, что парень произвел на меня неизгладимое впечатление.

* * *

Выйдя из отделения, я мельком взглянула на «Мини Купер», в салоне которого томился Джуниор, и, сделав вид, что не замечаю его разъяренных гримас, независимой походкой проследовала мимо машины. Прямо на глазах Устиновича-младшего следователь подхватил меня под руку и устремился к затянутому карбоном брутальному «Ауди Q7», прозванному в народе «Кзибеню». Пикнув сигнализацией, Оболенский галантно распахнул передо мной дверцу авто и подхватил под локоток, помогая подняться на высокий порожек. В какой-то момент у меня мелькнула мысль, что я по-свински поступаю с Борисом, но голос совести тут же замолчал, уступив место воображению. А оно уже рисовало картины интимной беседы в уютной обстановке, куда мы направлялись с Олегом, и в этой картине, что уж там скрывать, не было места для кудрявого друга. Кофейня оказалась и впрямь уютной, а кофе удивительно вкусным. Я изо всех сил старалась казаться деловой и серьезной, эдаким суперпуперпрофессионалом, но, думаю, у меня это не слишком-то хорошо получалось, и по лицу нет-нет да и скользила мечтательная улыбка.

– Ты любишь театр? – заказав по чашке капучино с чизкейками и дожидаясь, когда принесут заказ, внезапно спросил Оболенский.

Я утвердительно кивнула, ибо, честно говоря, в душе надеялась, что мы пришли в кафе не только для того, чтобы обсуждать скучное дело моего подзащитного. Олег расстегнул сумку-планшет и жестом фокусника достал два билета на премьеру в МХТ имени Чехова в Камергерском переулке.

– Пойдешь со мной на Набокова? – мягким голосом спросил новый знакомый. – Завтра премьеры «События», в главных ролях Чонишвили и Зудина.

– Я с удовольствием пойду с тобой на премьеру «События», но все-таки давай поговорим о похищенном артефакте, – настойчиво сказала я.

– А что о нем говорить? – с недоумением взглянул на меня Оболенский, отстраняясь от стола и предоставляя официантке возможность красиво расставить перед нами заказанное угощение. – Можешь не сомневаться, моя милая Агата, артефакт похитил твой клиент, об этом свидетельствует видеозапись, сделанная в ночь ограбления Культурного центра.

При упоминании о неопровержимых фактах, свидетельствующих против моего подзащитного, во мне проснулся пытливый адвокат, полностью вытеснив кокетливую девицу, падкую на синеглазых брюнетов.

– Можешь перекинуть запись? – оживилась я, доставая смартфон.

– Да запросто, – весело откликнулся Олег.

Он вынул из сумки планшетник последнего поколения и ловко привел его в рабочее состояние. Замелькали названия папок и файлов, и вскоре на весь экран развернулось изображение знакомого мне кабинета Лидии Сергеевны. Время в нижнем углу изображения как раз сменило цифру, перескочив с двадцати трех часов сорока пяти минут первого апреля на двадцать три часа сорок шесть минут, когда кабинетная дверь поползла в сторону, и в помещение, крадучись, вошел мой клиент. Аркадий Всеволодович был не один. Следом за ним в кабинет его женушки просочилась высокая женская фигура с вытравленными гидроперитом волосами, мелко заплетенными в африканские косички. Девица скользнула к сейфу и закрыла подельника широкой юбкой, поэтому рассмотреть, что же вынул из сейфа господин Иванов, не представлялось возможным. Глядя, как мрачнеет мое лицо, следователь негромко спросил:

– Клиент не рассказывал о ночных первоапрельских подвигах?

– Конечно же нет, – промямлила я, чувствуя себя полной идиоткой. И чтобы уйти от неприятной темы, поспешно спросила:

– А что с ним за красotka?

– Устанавливаем личность, – улыбнулся Олег. – На это потребуется некоторое время. Пока мы твоего Аркадия не трогаем, но скоро возьмемся за него вплотную.

– Когда вычислите девицу, скажешь, кто эта дамочка? – с надеждой посмотрела я на Оболенского, теряя остатки романтического настроения и возвращаясь к суровой прозе жизни.

– Не сомневайся, Агата, ты узнаешь ее имя первой.

– Ну ладно, мне пора. Сколько с меня за кофе? – деловито осведомилась я, давая понять, что отношения между нами могут быть только служебные.

– Ты что, обиделась? – удивился следователь. – Да ну, не бери в голову, подумаешь – проиграешь заведомо гиблое дело. Это же пустяки. Зато ты красивая и, надеюсь, не дура.

– Заведомо гиблое дело? Вот уж дудки, я выясню, почему Иванов не рассказал всей правды и выставил меня перед следствием полной идиоткой! – раздраженно оборвала я благодушные рассуждения Олега и, бросив на стол пятисотрублевую купюру, поднялась из-за стола.

– Но насчет театра мы с тобой договаривались до того, как в тебе разыгрались адвокатские амбиции, – напомнил Оболенский, и глаза его сверкнули. – И не вздумай отказываться, ты мне обещала. Дай-ка мне, Агата, номер мобильного, мы должны быть на связи.

Я строго сказала себе «не смей!» и тут же продиктовала номер телефона. Записав мои координаты в последнюю модель айфона, Олег поднялся из-за стола и вышел из кофейни, чтобы дожидаться меня на улице и доставить туда, откуда увез.

* * *

Надо ли говорить о том, что, когда я подъехала к зданию отделения полиции, Борис, до сих пор запертый в машине, рвал и метал. Делая зверские рожи, он тянул ко мне сквозь стекло руки, как будто с нетерпением ждал того момента, когда наконец-то сможет добраться до шеи и свернуть мне голову.

– Это кто, твой парень? – насторожился Олег, проследив за моим озадаченным взглядом.

– Да нет, просто друг, – беспечно ответила я, предчувствуя неминуемую расплату.

Борька и правда просто друг, хотя он частенько предпринимает попытки ступить на шаткий путь романтических отношений. Но я упрямо держусь выбранных на первом курсе института позиций и чуть что ставлю Джуниора на место. Я рассудила так: любовников в моей жизни будет пруд пруди, а вот такого душевного товарища, как Борис Устинович, судьба мне вряд ли подарит еще раз. Джуниор понимает меня, как никто другой, готов очертя голову бросаться в любые авантюры, поэтому разменять дружбу с Устиновичем-младшим на банальный роман будет, по меньшей мере, глупо.

– Агата, ты уверена, что помощь не требуется? – осторожно спросил Оболенский, всматриваясь в перекошенное от гнева Борькино лицо, прилипшее к машинному стеклу.

– Уверена, – вздохнула я.

– Так я позвоню? – деликатно уточнил Олег, отступая к своему транспортному средству.

– Как хочешь, – угрюмо буркнула я, просачиваясь между двумя соседними машинами, осторожно открывая водительскую дверь «Мини Купера» и рискуя оглохнуть от нецензурной брани, сотрясавшей салон авто.

Однако, дождавшись моего возвращения, Борис неожиданно затих. Он вдруг насунился и уткнулся в окно, делая вид, что не замечает моего присутствия. Я уселась за руль и краем глаза посмотрела на кудрявого друга.

– Борь, а Борь, – виновато начала я. – Прости меня, ладно?

– Нет, не ладно, абанамат! – сердито отозвался приятель дрогнувшим голосом. И, помолчав немного, тихо спросил: – Ты так со мной поступила, потому что я толстый урод?

– Ну что ты, Борь, ты же сам видишь, здесь негде парковаться, – фальшиво начала я, но, наткнувшись на страдальческий взгляд приятеля, мигом заткнулась.

– Тебе он понравился, да? – морщась, точно от боли, выдавил из себя Джуниор.

– Это ты про кого? Про следователя Оболенского? Да ну, ничего особенного...

Борька посмотрел в мою сторону глазами умирающего чудища из сказки об аленьком цветочке, и складно льющееся вранье застряло у меня в горле.

– Нравится, я же видел, как ты на него смотришь! – обличал меня кудрявый друг. – А я, между прочим, тоже не всегда был таким жирным. Вспомни, как я на первом курсе играл в волейбол за институтскую команду! Не смей меня так бросать, слышишь, Агата! Я не зонтик, чтобы запырять меня в машине. И вообще, я хочу похудеть! Поехали в общество анонимных обжор, я видел, ты гуглила их сайты.

Я поспешно закивала головой, соглашаясь и раскаиваясь, и двинулась в сторону бульварного кольца, где располагалось одно из подобных сообществ.

* * *

Общество анонимных обжор оказалось построено по принципу аналогичного объединения анонимных алкоголиков. Здесь тоже имелась своя программа девяти шагов к здоровью, которые обжора был обязан пройти, раз уж он решил расстаться с лишним весом и с пагубной привычкой класть в рот все съедобное, что попадаетеся ему на глаза. Собрания проводились на первом этаже наркологического диспансера, что очень не понравилось кудрявому другу. Решительный настрой его тут же иссяк, и Борька предпринял несколько неудачных попыток к бегству. Но я была начеку и крепко держала приятеля за руку, не отпуская даже в туалет.

Мы прибыли как раз вовремя. Заседание общества только началось, и, следуя указаниям регистраторши, я повела Бориса в небольшую обшарпанную комнату, где на расставленных полукругом стульях восседали тучные унылые люди. Среди них жизнерадостным, ярким пятном выделялась кругленькая блондинка с миловидным лицом и ямочками на щеках. На ней был надет ярко-красный джемпер и такого же позитивного цвета брюки. Стул рядом с ней пустовал, и я подтолкнула Устиновича-младшего в сторону смазливой толстушки. Борька ухватился руками за дверной косяк и в ужасе замотал головой, точно бык, ведомый на заклание.

– О, да у нас новенькие! – послышалось от окна, и только теперь я заметила сухонькую даму в длинном кремовом платье. – Я Томила, модератор, – представилась дама, улыбаясь во весь рот прекрасными искусственными зубами.

– А по отчеству? – вдруг брякнул Борька, опрометчиво отпуская косяк, и я втокнула-таки его в помещение.

– Просто Томила, – строго сообщила модератор, поправляя малахитовый кулон на плоской груди. – Как вас называть?

– Зовите меня Демиург, – пошутил Борька, снова порываясь сбежать.

Я вернула друга на прежнее место, в последний момент ухватив его за руку, и бодро проговорила, сдерживая его попытки вырваться:

– Молодого человека зовут Борис, а я его сопровождаю.

И, заметив неприкрытый интерес в глазах «леди ин ред», спросила:

– Скажите, Томила, а можно Боря сядет на свободный стул рядом вон с той очаровательной девушкой?

– Я туда не пойду! – взбрыкнул Джуниор, делая новый рывок к двери. – Агата,пусти меня немедленно! У нас свободная страна, и насилие над личностью преследуется по закону!

– Молодой человек, не бойтесь, я не кусаюсь, – низким голосом проговорила облюбованная мною девица. – Я Кэт. Если не возражаете, я буду вашим куратором.

Остальные толстяки одобрительно зашумели, уговаривая Борьку сесть на стул рядом с красной Кэт и стать членом их коллектива, а я, окинув взглядом собравшуюся компанию, еще раз убедилась в правильности своего выбора. Были, конечно, здесь и другие приятные дамы, но только на Кэт взгляд отдыхал, а сердце радовалось ее цветущему виду и красному одеянию. Борька продолжал топтаться в дверях, и девушка встала со своего места, подхватила его под локоть и повела за собой. Передав кудрявого друга в надежные руки, я со смутным чувством вины направилась к выходу. Обернувшись, я встретила глазами с Джуниором, и сердце мое сжалось. Борька смотрел на меня с такой грустью и отчаянием, что я почувствовала себя кукушкой, подбросившей птенца в гнездо к ястребам.

– Агата, ты подождешь меня? – с надеждой прокричал мне вслед Борис.

– Обязательно, – пообещала я и ободряюще подняла кулак в международном приветствии Рот Фронт.

Уточнив в регистратуре, во сколько заканчиваются занятия у обжор, я вышла на улицу и полной грудью вдохнула прохладный весенний воздух. Несмотря на то что сейчас середина апреля, весна в Москве, похоже, наступать не собирается. Ближе к ночи то и дело валит снег, покрывая дома и деревья, оттаявшие за день на припекающем солнышке. С утра дороги сковывает лед, к обеду превращающийся в снежную кашу, местами переходящую в глубокие водоемы, через которые приходится перебираться чуть ли не вплавь. Звонок коммуникатора вывел меня из задумчивости о превратностях московского климата. Спрятавшись от холодного ветра в салон авто, я устроилась поудобнее на сиденье и ответила на вызов.

* * *

Звонил клиент.

– Агата, ну что же вы не перезваниваете? – с тревожными нотками в голосе начал Аркадий Всеволодович. – Как прошла встреча со следователем?

– Господин Иванов, – сухо откликнулась я. – Почему вы не сказали мне, что были в ночь ограбления в кабинете своей жены? Кстати, кто ваша блондинистая подружка и что вы искали в сейфе у Лидии Сергеевны?

На том конце провода повисла гнетущая тишина, нарушаемая напряженным сопением. Клиент был явно не готов к подобному вопросу. В какой-то момент мне даже показалось, что я слышу, как скрипят мозги собеседника, изобретая, что бы такое мне соврать.

– И не вздумайте выкручиваться, а то я откажусь от защиты, – почувствовав его настроение, пригрозила я.

– Не понимаю, о чем идет речь, – пробормотал подзащитный.

– Диктуйте электронный адрес, я вам сброшу ссылочку, – сердито ответила я, радуясь в душе, что догадалась скачать на коммуникатор компрометирующую Аркадия видеозапись. – Посмотрите – потом перезвоните.

Закончив с отправкой видеофайла, я развернула машину, чтобы удобнее было выезжать, и включила радио в ожидании Бориса. Каково же было мое удивление, когда из дверей наркологического диспансера рука об руку вышли кудрявый друг и красная, как клубничка, кураторша. Катерина что-то увлеченно рассказывала Джуниору, а Борька весело хохотал. Не обращая внимания на поджидавшую его машину, Устинович-младший беспечно направился в сторону метро, поддерживая свою спутницу за талию. Недоумевая, в чем, собственно, дело, я на малой скорости тронулась за ними. Поравнявшись с неторопливо шагающей парочкой, я опустила стекло и вежливо поинтересовалась:

– Борис Эдуардович, вы не забыли, что я, вообще-то, вас жду?

Приятель перестал смеяться и, переглянувшись со своей спутницей, небрежно бросил через плечо:

– И совершенно напрасно. Мы надумали прогуляться. А ты можешь ехать домой, я тебя не задерживаю.

Месть Борьки была так внезапна и обидна, что я не нашлась что ему ответить. Газанув так, что голуби кинулись из-под колес врассыпную, я понеслась по направлению к дому. Ну и фрукт этот Устинович, который младший! Мало того что я из-за него не попала на блошинный рынок, он еще и конец дня ухитрился изгадить! А еще друг называется! Вне себя от ярости, я неслась по выделенной для общественного транспорта полосе, страстно желая, чтобы меня остановил сотрудник ГИБДД. Уж я бы нашла что ему сказать! Уж я отвела бы душу! Телефонный звонок Аркадия Всеволодовича окончательно вывел меня из равновесия.

– Ну что, уважаемый, посмотрели кино? – рявкнула я вместо приветствия.

– Агата, нам срочно нужно встретиться и поговорить, – почему-то шепотом произнес подзащитный. – Вы не могли бы сейчас подъехать в ресторан «Тургенев» на Чистых прудах? Прошу вас, поторопитесь, может быть слишком поздно...

Гадая, чем вызвана подобная поспешность, через пять минут бешеной гонки по Москве я была в районе Чистых прудов, а еще через полчаса сидела напротив клиента за столиком «Тургенева». Нашла я его не сразу. Аркадий Всеволодович устроился в самом темном углу зала, отгородившись от остального мира разложенным на столе лэп-топом, и обнаружить его оказалось задачей не из легких. Обойдя все столики и заглянув в лицо каждому посетителю, в конце концов я набрела на подзащитного. Заметив меня, клиент вздрогнул и кивком головы указал на стул напротив себя.

– Садитесь быстрее, что вы застыли, как изваяние? – испуганно зашептал он. – Не привлекайте ненужного внимания! Хвост за собой не привели?

– Аркадий Всеволодович, что случилось? – насторожилась я.

– Сядьте немедленно, глупая вы девчонка, – дернул меня за руку Иванов, усаживая на стул. – Весь зал просматривается как на ладони!

– Если вы сейчас же не объясните, что происходит, я уезжаю, – усаживаясь напротив клиента, пообещала я, и угроза возымела действие.

Перестав дрожать крупной дрожью и придав лицу более-менее осмысленное выражение, Аркадий Всеволодович снял запотевшие очки, протер их уголком скатерти и, водрузив обратно на нос, тревожно забормотал:

– Это он, поверьте, я знаю, что говорю! Систему видеонаблюдения устанавливали под его руководством, и только он знает, как это все работает! Раз он решил меня подставить, он обязательно это сделает! А может быть, сразу убьет, чтобы долго не возиться!

– Да о ком вы? – не поняла я, заказывая два стакана минералки – себе и собеседнику. На мой взгляд, господину Иванову не мешало попить водички, ибо он явно перегрелся в душном ресторане.

– Да о Феликсе Беляковиче! – рассердился на меня за бестолковость Аркадий. – Феликс у нас отвечает за безопасность, потому что раньше служил в спецназе и хорошо разбирается в вещах такого рода. Поверьте мне, Агата, в ночь ограбления я даже близко не подходил к Культурному центру, вот честное слово, чем хотите поклянись!

– Да что вы мне голову морочите! – вспыхнула я. – Не держите меня за идиотку! Я своими глазами видела запись с камеры наблюдения!

– Вот! – победоносно выкрикнул клиент, пытаясь улыбнуться, от чего усы его встали дыбом. – Именно об этом я и говорю. Агата, поймите, он все подстроил так, что в ночь с первого на второе апреля на видеокамере оказалась запись недельной давности.

Перестав улыбаться страшной улыбкой, больше похожей на оскал, Аркадий Всеволодович продолжал смотреть на меня вопросительно и тревожно, ожидая, когда же искра понимания озарит мое лицо. Переважив полученную информацию, я подняла на клиента глаза и потрясенно протянула:

– То есть вы хотите сказать, что украли Ухо Энки в другой день? Неделей ранее, да?

Аркадий протяжно застонал и откинулся на спинку стула, сраженный наповал моей глупостью.

– Ну что вы такое говорите? – чуть не плача, выдохнул он. – Ну почему сразу украл Ухо?

– А что же вы украли из сейфа жены за неделю до ограбления, если не Ухо Энки? Постойте, – вдруг спохватилась я, сопоставив факты. – Именно неделю назад в кабинете Лидии Сергеевны случился пожар. Значит, это все-таки вы подожгли сейф?

– Чушь, – нервно выкрикнул клиент, забыв о конспирации, и все головы в заведении повернулись в нашу сторону. – Вы несете страшную чушь, – чуть тише проговорил он, трусливо озираясь по сторонам. – Могу поклясться на Библии, что ничего я не поджигал.

– Значит, пожар устроили не вы, – заключила я, рисуя в блокноте летящую кошку. Аркадий отрицательно мотнул головой и заговорщицки прошептал:

– Я видел, как за пятнадцать минут до пожара Феликс ковырялся в розетке на стене рядом со столом Лидии. Она обшита пластиком, так что достаточно одной искры, чтобы сжечь весь кабинет. И, замечу, Феликс знает, что я его видел. Он обернулся и так на меня посмотрел...

Выслушав его горячий шепот, я сделала пометку в блокноте и продолжала развивать свою мысль:

– Но вы же не станете отрицать, что все-таки заглядывали в сейф жены? И что же вы там искали?

Клиент замялся, почесал нос, закусил ус зубами и, выстукивая по столу тревожную дробь, недовольно проговорил:

– Допустим, я забрал у Лиды одну свою вещь...

– А юная блондинка вам в этом помогала, – ехидно подсказала я. – Кстати, кто ваша поделница?

– Вас это не касается, – насупился Аркадий, возобновляя барабанную дробь пальцами, от чего баночка с зубочистками и солонка наперегонки поползли к краю стола.

– Ну что же, не хотите говорить правду – защищайтесь сами, – снова прибегла я к шантажу, внимательно наблюдая, что упадет первым – зубочистки или солонка.

Но на этот раз испытанный прием не сработал. Клиент упрямо сжал губы и отвернулся, всем видом выражая намерение хранить тайну до конца своих дней даже под пытками. Зубочистки упали первыми и рассыпались по полу. Аркадий перестал барабанить, кинул под стол настороженный взгляд и снова уперся глазами в стену. Пока я смотрела в напряженное лицо подзащитного, в голове мелькнула мысль, что про приятельницу Аркадия я спокойно узнаю от следователя Оболенского. А вытрясти правду из девчонки будет делом техники – Борис это умеет делать, как никто другой. Я тут же сменила тактику и, тронув подзащитного за руку, примирительно сказала:

– Вы, главное, не волнуйтесь. Не хотите говорить про девушку – не надо. В конце концов, вы правы – это ваше личное дело, с кем вы грабили сейф.

Клиент дернул щекой, выражая недоверие моей столь легкой капитуляции. А может, ему не понравилось слово «грабили».

– Дайте мне адрес Феликса, – продолжала я, не обращая внимания на надутую физиономию клиента, – я хочу посмотреть на бывшего спецназовца.

– Нет у меня адреса Беляковича, у меня есть только его фото, – не поворачиваясь, буркнул Аркадий Всеволодович, извлекая из внутреннего кармана пиджака мобильник и погружаясь в приложения.

Любовник Лидии Сергеевны оказался коренастым блондином с широко распахнутыми детскими глазами и выдающимся вперед носом, сливой нависавшим над пухлыми губами, блеск которых так, точно они были мокрыми. Феликс был запечатлен на фоне стойки с надписью «ВС» на каком-то рекламном стенде.

– И как вам наш герой-любовник? – горько усмехнулся обманутый муж. – Лучше меня?

– Где это вы Феликса щелкнули? – поинтересовалась я, чтобы только не отвечать на каверзный вопрос, ибо если говорить начистоту, то Белякович при всей своей неказистости был все-таки привлекательнее моего клиента.

– Да так, на одной выставке, – отмахнулся Аркадий. – Давайте я вам скину фото по блютузу.

Разжившись изображением начальника службы безопасности Культурного центра, я поднялась со стула и закинула сумку на плечо, собираясь откланяться. Несчастный клиент сиротливо ссутулился за столом, и во мне шевельнулась жалость.

– Аркадий Всеволодович, вы на машине? – осведомилась я.

– Само собой, – рассеянно ответил Иванов.

– Может, поедете домой, что вам здесь сидеть одному?

– Ну что вы такое говорите, Агата Львовна, – ужаснулся Аркадий, словно я предложила ему сплясать канкан на барной стойке. – Я должен находиться среди людей, чтобы не дать Феликсу возможности расправиться со мной в квартире.

– Ну да, конечно, – пробормотала я, смущенная усугубляющейся паранойей подзащитного. – Тогда вам, может, стоит что-нибудь съесть?

– Не говорите ерунды, – обиделся клиент. – Мне кусок в горло не лезет.

– Ну, хоть салатик какой-нибудь возьмите, – настаивала я, подзывая официантку, чтобы рассчитаться за воду.

Аркадий поднял на меня страдальческие глаза, тяжело вздохнул и с видом великомученика заказал салат из огурцов и помидоров.

* * *

Выйдя из ресторана, я недолго размышляла, куда поехать ночевать – на дачу к старикам или в квартиру на Басманной, которую дед и бабуля оставили мне, перебравшись в Снегири. Теперь я почти постоянно жила в городе, опасаясь, что бабушка снова начнет меня сватать за завидных молодых холостяков, обитающих на соседних дачах. А на Басманной было хорошо – тихо и спокойно. Правда, из еды в холодильнике водились только пиво и яйца, а в буфете жили исключительно чипсы. Бабушка же готовит так, что от запахов у нас с дедом текут слюнки, и, думаю, именно из-за стряпни Иды Глебовны Борька обожает бывать у нас в гостях. Хотя, может быть, я недооцениваю Джуниора, и его привлекают не беляши и штрудели Иды Глебовны, а беседы с дедом, вышедшим в отставку генералом ФСБ. Владлен Генрихович всю жизнь прослужил в спецотделе «Сигма» и во время приятной дружеской беседы удивительные истории, не уступающие по остросюжетности романам Яна Флеминга. Когда я захожу в тупик, связи деда буквально творят чудеса, и, будь моя воля, я бы не вылезала от стариков, но матримониальные планы бабушки на мой счет портят все дело.

Дед и бабуля растили меня с самого раннего детства, забрав к себе, когда мама погибла в аварии, а овдовевший папа подписал контракт с институтом экспериментальной биофизики и уехал в Анголу, чтобы ничто не напоминало ему о смерти любимой жены.

На днях истекает срок контракта, который отец продлевал уже четыре раза, и я с нетерпением жду, когда папка вернется из своей бесконечной командировки, и я наконец-то смогу обнять самого родного на свете человека. Об отце я помнила только то, что он пахнет терпким табаком и дарит яркие фигурки животных, которые умещаются на моей ладони. За все эти годы я ни разу ни разговаривала с ним по телефону, а бабушка говорила, что Левушка с детства был неразговорчивым букой и мне не стоит принимать его холодность на свой счет. Бабуля вообще всячески защищает отца, а дед говорит о сыне со сдержанной грустью и отделяется общими фразами. Думаю, старикам очень больно, что папа по собственному желанию выпал из нашей жизни, но они стараются не показывать своей боли мне, их единственной внучке.

Доставая из сумки ключи от машины, я взглянула на дисплей коммуникатора и увидела пять пропущенных вызовов от деда. Должно быть, увлеченная беседой с клиентом, я не слышала звонков. Зная хладнокровие Владлена Генриховича, ни при каких обстоятельствах не ударявшегося в панику, я не на шутку перепугалась, ибо пять звонков за полчаса – это не что иное, как паника. Забыв о том, что стою посреди дороги, я принялась перезванивать деду. Трубку сняли после первого же гудка.

– Где тебя носит, черт бы тебя побрал! – вместо приветствия прокричал в трубку дед, окончательно выбивая меня из колеи.

– Дед, что случилось? – чуть не плача, откликнулась я.

– Бабушку увезли в реанимацию, у нее инфаркт, а ты где-то шляешься, – ввел меня в курс дела родственник.

Оторопев от неожиданности, я чуть не села на асфальт. Сколько себя помню, я ни разу не слышала, чтобы бабушка жаловалась на сердце. Более того, для своих лет Ида Глебовна выглядела на удивление молодо, и я относилась к этому на счет того, что бабуля так же, как и дед, служила в спецотделе «Сигма», где, помимо прочих чудес, должно быть, разрабатывали средство Макропулуса. И вдруг у бабушки – инфаркт! Сраженная наповал этой новостью, я виновато всхлипнула:

– Дед, не шуми! Диктуй адрес больницы, я сейчас же туда подъеду.

– Только что я разговаривал с врачом, к ней не пускают, – отрезал дед. – Я еду домой, завтра с утра вернусь в больницу. Буду держать тебя в курсе, ты уж сделай одолжение, отвечай на звонки.

– Дед, ну правда, я не нарочно, я с клиентом разговаривала, – выдавила из себя я. И, тяжело вздохнув, сокрушенно добавила:

– Надо же, папа приедет, а бабушка в больнице...

Дед закричал так резко и так неожиданно, что я даже отодвинула трубку от уха, чтобы не оглохнуть.

– Не приедет твой папа, ты что, не поняла еще? Ни в этом году, ни в следующем – никогда! Агата, у меня к тебе нижайшая просьба – при бабушке не упоминай его имя! Ты можешь сделать это для меня?

– Да, конечно, – чуть слышно пробормотала я, раздавленная внезапной вспышкой гнева столь невозмутимого человека. Однако я все же собралась с духом и нашла в себе мужество, чтобы спросить:

– Скажи, дед, бабушка узнала, что отец не приедет? Поэтому у нее случился сердечный приступ, да?

– Я завтра позвоню, будь на связи, – сердито оборвал меня дед, отключаясь.

* * *

Ночь прошла в мучительном страхе за жизнь бабули, а утром позвонил дед и сообщил, что состояние Иды Глебовны по-прежнему тяжелое, но ей немного лучше. Пока бабушка находится в реанимации, визиты к ней исключены, а вот как только переведут в палату, мы сможем приехать. Более-менее успокоенная, я отправилась на работу.

Адвокатская контора в Кривоколенном переулке жила своей обычной жизнью.

– Агата Львовна, почему опаздываете? – с порога набросился на меня Устинович-старший.

Стараясь не смотреть на Бориса, я рассказала Эду Георгиевичу про постигшее нашу семью несчастье и под причитания секретарши уселась на рабочее место.

– Когда я только что устроилась на работу в эту контору, у клиентки адвоката Нечаева инфаркт приключился прямо на моих глазах, – пустилась в воспоминания Кира Ивановна. – Это такая ужасная история, что и сейчас мне становится не по себе! Она всколыхнула всю Москву! Сыну этой женщины инкриминировали вымогательство, шантаж, мошенничество и разбой. В общем, не было такого преступления, в котором бы его не обвиняли. А оказалось, что парня подставил величайший жулик и аферист нашего времени Илья Финн. Потом, конечно, этого Финна взяли, но клиентка адвоката Нечаева все-таки умерла от инфаркта прямо на наших глазах.

Я закашлялась, чтобы не подавиться, и искоса взглянула на Бориса. Кудрявый друг сидел, что-то сосредоточенно высчитывая на компьютере, и никак не реагировал на рассказ Киры Ивановны.

– Мой свекор этим летом тоже от инфаркта умер, – поддержал беседу Леонид, не спуская злорадных глаз с Маши Ветровой, об отце которой велась речь. Молодая жена Устиновича-среднего даже бровью не повела, продолжая красить широко распахнутые фиалковые глазищи.

– Прямо на даче, во время сбора урожая картофеля и умер, – продолжал повествование Леонид, наблюдая за Машиной реакцией. Та преспокойно закончила макияж и повернулась красивым лицом к мужу.

– Еще неизвестно, где твоего отца инфаркт настигнет, – презрительно скривила она идеальные губы, намекая на Эда Георгиевича, который, по слухам, увлекся молоденькой официанткой из соседнего бистро.

Нашей офисной красавице это было особенно неприятно, ибо до замужества она пережила бурный роман с нынешним тестем.

– Его настигнет не инфаркт, а банальный триппер, – пробурчал себе под нос Леонид, и я лишний раз порадовалась, что не связала свою жизнь с этим мелочным человеком. К тому же Устинович-средний вдруг начал лысеть, а мне никогда не нравились рано облысевшие мужчины.

Уловив краем уха последние слова брата, Борька оторвался от своих расчетов и заинтересованно посмотрел в его сторону. И только тогда он заметил мое присутствие.

– Привет, коллега, – приветствовал он меня как ни в чем не бывало.

У меня отлегло от сердца. А я-то уж было подумала, что после глупой вчерашней выходки кудрявый друг объявил мне бойкот. Но нет, Борис всего лишь был занят своими делами, поэтому и не заметил меня. Сегодня я планировала заглянуть в Культурный центр на Ярославке, разыскать Феликса и побеседовать с ним насчет злополучной видеозаписи, которая так испугала моего клиента. Мне отчего-то казалось, что присутствие Бориса значительно упростит эту задачу, поэтому я обратилась к приятелю:

– Слушай, Борь, прокатайся со мной на Ярославское шоссе?

Но Борька равнодушно пожал плечами и безразличным голосом спросил:

– С какого перепуга? У меня своих дел полно. Да ты и сама прекрасно справишься, я в тебе не сомневаюсь.

Подбодрив меня улыбкой, Джуниор осторожно откусил кусочек от диетического сухарика, лежащего перед ним на кофейном блюде, и снова отвернулся к дисплею компьютера.

– Спасибо за доверие, – пробормотала я, не зная, что и подумать.

Абсурдность ситуации заключалась в том, что обычно это я пренебрегаю помощью Джуниора, а приятель в обход моих запретов все равно мне помогает. Теперь же, когда я нуждаюсь в его помощи и поддержке, как никогда, кудрявый друг буквально посылает меня ко всем чертям. Заподозрив, что разгадка таится в расчетах, которыми так увлечен Борис, я встала с рабочего места и, стараясь ступать неслышно, приблизилась к кудрявому другу с тыла. Таблица, которую заполнял приятель, была озаглавлена «Детальный расчет дневной нормы потребления килокалорий для мужчины 27 лет ростом 189 сантиметров». Далее шли строки, в которые следовало вписать специфику физических нагрузок данного мужчины в течение дня, чем, собственно, Борис и занимался. Он старательно высчитывал по минутам, сколько килокалорий он затрачивает, чтобы встать с кровати и дойти до ванной, где он чистит зубы, теряя при этом новую порцию килокалорий, затем посещает уборную, там тоже расставаясь с ненавистными единицами, в которых измеряются энергозатраты, и так до глубокого вечера. Особенно меня заинтересовала графа о калориях, ушедших на физическую близость с женщиной, но строка находилась в самом конце таблицы, и Борька до нее еще не дошел, поэтому я так и осталась в неведении относительно этого аспекта жизни приятеля.

Окончательно добил меня телефонный звонок подруги Бориса по клубу анонимных обжор. Вчерашнюю «леди ин ред» Джуниор по-свойски называл Котенок и договаривался с ней о встрече в обеденный перерыв. Ругая себя на чем свет стоит за излишнюю инициативность, которая всегда выходит мне боком, я отпросилась у начальства и отправилась во владения госпожи Ивановой в гордом одиночестве. Успокаивали меня лишь мысли о предстоящем свидании со следователем Оболенским и премьере в Камергерском переулке.

* * *

Попытка увидеться с Феликсом Беляковичем в Культурном центре не увенчалась успехом. Разговорчивый охранник с бейджиком «Михаил» на груди, у которого я пыталась выяснить, где в настоящий момент находится начальник службы безопасности, ничего толкового мне так и не ответил.

Прогуливаясь по первому этажу отделанного мрамором фойе, я присматривалась и прислушивалась к происходящему, стараясь проникнуться атмосферой секты. Как все закрытые организации, общество адептов Бажена Соло тщательно скрывало свои секреты от посторонних глаз. Обращаться за помощью к Лидии Сергеевне мне хотелось меньше всего, и я надеялась обойтись своими силами. Прохаживаясь по фойе и рассматривая магазинчики со специальной продукцией, я сделала удивительный вывод: все, продающееся здесь, сработано из сосны. На витринах сувенирных лавок красовались резные деревянные скульптуры зверей и птиц, там же поклонники учения великого старца имели возможность приобрести украшения из застывшей смолы и смоляные настойки, сосновая посуда продавалась в соседнем павильончике, а почти половину фойе отвели под мебельный салон. Надо ли говорить, что мебель там стояла тоже сосновая?

Заглянув в павильон с мебелью, я прошлась вдоль длинных рядов шкафов, столов и стульев, внимательно рассматривая ценники. Стоимость представленной мебели оказалась в среднем в два раза выше, чем на аналогичную продукцию в обычном магазине. Стоило мне задержаться у симпатичного письменного стола, как приветливая продавщица, наблюдавшая за моими перемещениями, тут же приблизилась ко мне.

– Понравилась вещичка? – улыбнулась она.

– Да, симпатичный столик, – согласилась я. – Только стоит дороговато.

– Что значат деньги в сравнении с космической энергией, которой заряжен этот товар? – прищурилась собеседница. – Вы поймите – сосны, из которых изготавливают нашу мебель, растут в самом благодатном уголке земли, освященном присутствием Моны Роз. Дотроньтесь до столешницы, и вы почувствуете энергетическое воздействие на организм.

Я положила руку на стол и погладила теплое полированное дерево, однако прилива космической энергии не ощутила.

– Ну как, вы поняли, о чем я говорю? – заговорщицки подмигнула женщина.

– Да как-то не очень, – честно призналась я.

– Ведь вы состоите в нашем обществе? – уточнила продавщица.

– Пока что нет, но подумываю примкнуть.

– Тогда вам лучше начать с ознакомительной литературы, – махнула собеседница рукой в сторону киоска с книгами.

Я отправилась в соседний магазинчик. Для очистки совести я решила раскошелиться на одну из вводных книг, в общих чертах излагающую основы учения, но, взглянув на цену, тут же оставила эту безумную затею. Я ограничилась рекламным проспектом с умеренной ценой и скромным объемом. Из него я узнала, что медитативные собрания проводятся дважды в неделю, а каждые полгода приезжает с лекциями Мона Роз. Для вступления в общество последователей посвященного старца нужно внести благотворительный взнос в размере ста рублей, а квитанцию подложить в специальную папку, которую желающему приобщиться к «Истине Соло» выдадут в обмен на эту небольшую денежку. Так будет заложен фундамент вашей лестницы в небо.

Прочитав проспект, я рассматривала картины преподобного Бажена, богато иллюстрировавшие рекламное издание, когда у меня в голове мелькнула безумная идея. А что мне мешает вступить в духовное общество «Истина Соло»? Вот прямо сейчас пойду и вступлю, тем более что через час начинается очередное собрание. Покручусь среди адептов, послушаю их разговоры, может, узнаю что-то интересное о Феликсе Беляковиче.

* * *

Уточнив у продавщицы книг, где принимают вступительные взносы, я направилась по длинному коридору, увешанному полотнами с горными хребтами, к стеклянной двери, распахнув которую нос к носу столкнулась с Лидией Сергеевной. При виде меня с холеного лица директрисы Культурного центра сползла улыбка, и женщина строго спросила:

– Адвокат Рудь, а вы что здесь делаете?

Я сунула в карман заранее приготовленную сотку, которая мне так и не понадобилась, и деловито поинтересовалась, как будто за этим и шла:

– Лидия Сергеевна, вот вы где, а я вас повсюду ищу! Не возражаете, если я посетю сегодняшнее собрание?

– Позвольте спросить – в качестве кого? – недовольно осведомилась оппонентка.

– В качестве стороннего наблюдателя, – не растерялась я.

– Даже не думайте, – отрезала собеседница. – У нас не проходной двор, а сообщество единомышленников, настроенных на единую волну духовного развития, и ваша неподготовленная энергетика станет помехой для личностного роста остальных адептов.

– Ну, нет, так нет, – покладисто согласилась я. – А не подскажете, где найти начальника вашей охраны?

– Зачем вам Белякович? – недовольно дернула плечом Лидия Сергеевна. – Вы продолжаете подозревать Феликса в краже реликвии?

– Давайте смотреть фактам в лицо, – решительно предложила я, поглядывая в глубь кабинета и тем самым намекая, что беседовать в дверях по меньшей мере невежливо. – Возможно, Белякович и не украл артефакт, но чтобы прояснить ситуацию с пропажей Уха Энки, начальник службы безопасности наверняка сможет ответить на несколько моих вопросов.

– Что там у вас за вопросы? Я сама на них отвечу, – продолжала держать меня в дверях глава духовной общины, делая вид, что не понимает моих намеков.

Взглянув на решительное лицо Лидии Сергеевны, я сделала однозначный вывод, что войти мне так и не удастся. Поэтому я прямо в дверях достала из сумки коммуникатор и включила запись разговора с клиентом, которую сделала в ресторане. Госпожа Иванова внимательно выслушала трусливые откровения своего мужа и удивленно вскинула на меня тщательно накрашенные глаза.

– И вы верите Аркадию? По-моему, он сошел с ума! Действительно, за неделю до кражи в кабинете был пожар, вспыхнувший из-за неисправной проводки, но Аркадий все врет, он не мог перед этим залезть ко мне в сейф, иначе сохранилась бы видеозапись.

– Насчет камер слежения я и хочу поговорить с Беляковичем. Мой клиент считает, что Белякович поменял местами фрагменты записи камеры видеонаблюдения. Ведь на изъятом следователем диске Аркадий со своей подружкой шуруют у вас в сейфе в ночь ограбления, хотя на самом деле они забирались в него перед пожаром. Кстати, пожар, по мнению моего подзащитного, тоже устроил ваш юный друг Феликс.

– Какая чушь, – усмехнулась Лидия. – Муженек вам что угодно наговорит, лишь бы Беляковича оклеветать. Да будет вам известно: Феликс Романович – ветеран чеченской войны, участник боевых действий в Осетии и Дагестане, он имеет правительственные награды, а вы говорите о нем гадости. Я расскажу вам, почему случился пожар. Аркадий пытался обесточить сигнализацию, загорелась проводка, мой кабинет был обшит пластиком, только поэтому он и выгорел дотла. Сейф не стал исключением, и это большое счастье, что Ухо Энки находилось в бронированной витрине в большом зале, потому что у нас проходил международный слет последователей преподобного Бажена, о котором Аркадий не имел представления. О специально спланированном поджоге и речи не идет! А вы, Агата Львовна, чем отираться у нас, лучше бы съездили в «Баженову мудрость» и выяснили у Санты Патрика, не появилось ли у них чудесным образом Ухо Энки.

Во время разговора женщина разволновалась, ее лицо и шея пошли пятнами, и стало заметно, что она далеко не так молода, как хочет казаться. Мне даже стало ее немного жаль, и я мягко произнесла:

– Не волнуйтесь, пожалуйста, госпожа Иванова. Я обязательно побеседую с Сантой Патриком. И все-таки я предпочла бы услышать рассказ о камерах слежения от вашего начальника службы безопасности лично.

Директриса Культурного центра посмотрела на меня отсутствующим взглядом и холодно произнесла:

– Ничем не могу помочь, Феликса нет в Москве.

– И где же он? – не отставала я.

– Уехал в командировку, – с усмешкой проговорила собеседница, наблюдая за моей реакцией. – На Алтай. Такой ответ вас устраивает?

– Нет, не устраивает, но что же делать? – вздохнула я, твердо решив во что бы то ни стало встретиться с загадочным Феликсом и поговорить с ним по душам, пусть даже для этого мне придется вскарабкаться на Алтайские горы.

* * *

Покинув помпезное строение на Ярославском шоссе, я успокаивала себя тем, что Культурный центр – не единственное место, где я могу навести справки о Беляковиче. Можно узнать адрес сердечного друга госпожи Ивановой у следователя Оболенского, тем более что сегодня вечером я иду с Олегом в театр. Воспоминание о предстоящем свидании немного улучшило мерзкое настроение, не покидавшее меня с момента вчерашнего разговора с дедом. Владлен Генрихович сегодня уже звонил два раза, сообщая, что изменений в состоянии бабушки пока не наблюдается. Ситуация усугублялась тем, что попытавшись связаться с Борисом, я напоролась на вездесущую Кэт, с которой Устинович-младший, похоже, не расставался ни днем ни ночью. Девушка бесцеремонно сняла трубку и заявила своим низким красивым голосом, что Джуниор занят, подойти не может, но она готова передать ему любую информацию, даже интимного характера. Расстроенная до невозможности, я хотела было отменить поход в театр, но дед категорически запретил это делать.

– Агата, тебе необходимо развеяться, – в очередной раз связавшись со мной, чтобы рассказать о неизменности бабушкиного состояния, проговорил дед таким тоном, словно обвинял меня во всех смертных грехах.

– Дед, давай я подъеду в больницу, – взмолилась я.

– И что ты там будешь делать? – сердито буркнул родственник. – К Иде все равно пока не пускают. Сходи уж лучше в театр.

Я поехала домой переодеваться. Я не считаю себя завзятой театралкой, но выбираюсь в «Современник» довольно-таки часто. Помню, в детстве мы с бабушкой пересмотрели весь репертуар ТЮЗа и ЦДТ, и она каждый раз говорила, чтобы я внимательно наблюдала за воссозданными на сцене характерами, ведь у хороших актеров есть чему поучиться. И до сих пор я в основном я хожу в театр с бабушкой, хотя пару раз пыталась приобщить к этому виду искусства Джуниора. Закончилось это тем, что Борька в середине первого акта стягивал башмаки, откидывался на спинку кресла и принимался храпеть так, что артисты смущенно замолкали в самом начале реплик. Бабушка же являла собой другую крайность театрального зрителя. Поход в театр становился для нее событием сродни собственному бракосочетанию. Ида Глебовна долго и тщательно готовилась к торжеству – одевалась, красилась и завивала волосы, после чего распекала меня всю дорогу за повседневную одежду, в которой я посмела отправиться в священное место.

Устроившись на сиденье, бабуля придирчиво следила, чтобы никто из соседей не шуршал обертками конфет и, упаси господи, не оставил включенным мобильный телефон, способный громким звонком причинить неудобство актерам. В антракте бабушка вела меня в буфет,

где поила потрясающим кофе с вкуснейшими пирожными. Борька же, дождавшись антракта, уселся на пуфик в фойе, достал из рюкзака два мятых банана и угостил меня тем, что попрличнее. Сам же, нимало не смущаясь фланирующих мимо зрителей, заглотил второй банан, больше похожий на пюре. И это вовсе не потому, что Джуниор – скупердяй, а Ида Глебовна – расточительная транжира. Просто у бабули и кудрявого друга диаметрально противоположный подход к театру – соответственно романтический и прагматичный. Бабушка шла в театр как на свидание с высоким искусством. Борька же руководствовался ревнивой мыслью, что лучше уж потащится на спектакль он, чем кто-то другой составит мне компанию. Я же всегда считала, что стою где-то посередине между этими крайностями, отправляясь в театр с одной-единственной целью – получить удовольствие от великолепного зрелища. Вот и теперь я надеялась, что постановка хоть немного отвлечет меня от грустных мыслей, поэтому откинувшись в плюшевом кресле, улыбнулась Оболенскому и приготовилась наслаждаться действием.

Сказать, что спектакль меня потряс, ничего не сказать. Полет режиссерской мысли был настолько затейлив, что не всегда удавалось постичь ее тайный смысл. Как только потух свет, над сценой промелькнули кадры кинохроники тридцатых годов, показывающие сытую жизнь буржуазных немцев в предвоенной Германии. Затем подняли занавес, и долгих два с половиной часа прекрасные актеры ходили из угла в угол, разыгрывая скучнейшее представление о предполагаемом убийстве, которое вот-вот совершит бывший любовник жены главного героя. Половина актеров была отчего-то загримирована в стиле театра кабуки, хотя другая половина имела лица чистые, не оскверненные вызывающим гримом. Где-то в середине второго акта одну из актрис демонстративно вырвало в сторону зала, и я уже тогда захотела уйти, подумав, что ко всем неприятностям не хватает мне таких вот сомнительных развлечений. Но я проявила малодушие, всего лишь нагнувшись к кавалеру и прошептав ему в ухо:

– Олег, мы ничего не пропустили? Ты уверен, что перед началом спектакля зрителям не полагается доза кокаина?

Оболенский довольно хмыкнул, и я дала слабинку, оставшись на месте и продолжив следить за вертлявой режиссерской мыслью. Окончательно добил меня финал, а именно кадры хроники, на этот раз с садистским натурализмом запечатлевшие иссохшие детские трупики, заморенные во времена фашистского террора. Осталось добавить, что пьеса Набокова к фашизму отношения не имела, а рассказывала о скучной жизни русских эмигрантов, которые так и не дождались предполагаемого убийцы.

Заплакала я только на улице, не в силах сдержать переполнявший меня негатив.

– Вот это и называется катарсис, – удовлетворенно констатировал Олег, протягивая мне свежeweгглаженный носовой платок и по-отечески обнимая за плечи. – Очищение через искусство. Сейчас где-нибудь поужинаем и поедем ко мне пить кофе. На следующие выходные я думаю взять билеты в «Ленком».

Я отрицательно замотала головой, собираясь сказать, что в ближайшие пару лет, пожалуй, воздержусь от походов в театр, но из сумки прозвучал призывный рингтон коммуникатора, и мысль моя так и осталась невысказанной. Взглянув на дисплей, я увидела номер клиента. Но голос, прозвучавший в трубке, принадлежал вовсе не господину Иванову.

– Простите, – пролепетала испуганная женщина на том конце провода. – Вы знаете владельца телефонного номера, с которого я звоню?

– Знаю. С ним что-то случилось? – спросила я враз онемевшими губами, как будто мне в небо вкололи лидокаин.

– Приезжайте скорее в ресторан «Тургенев» на Чистых прудах, ему нехорошо, – прошептала девушка и дала отбой.

– Надо срочно ехать в «Тургенев», что-то случилось с Аркадием Всеволодовичем, – сообщила я, подхватывая следователя под руку и увлекая его к авто.

– Ну что же, там и поужинаем, – улыбнулся Оболенский, помогая мне забраться в салон машины.

* * *

В «Тургеневе» играла негромкая музыка, около эстрады танцевали несколько приличных немолодых пар, между которыми неприкаянно слонялся мой клиент. Его белая рубашка выбилась из брюк и была наполовину расстегнута, пиджак висел на одном плече, усы азартно топорщились, а глаза сверкали безумным огнем. Дальний столик, за которым я вчера оставила своего подзащитного, теперь украшал пустой графин из-под водки, одинокая рюмка и нетронутая тарелка овощного салата, которую он заказал еще при мне. Оценив ситуацию, я тут же бросилась к Аркадию Всеволодовичу, но меня на полпути перехватила насмерть перепуганная официантка.

– Вы пришли за мужчиной? – глазами указала она на Иванова. – Это вам я звонила насчет его?

– Мне, – призналась я, наблюдая, как клиент сосредоточенно танцует под музыку с самим собой. – И давно он так отплясывает?

– Не знаю, я недавно заступила, а моя сменщица говорит, что он уже был, когда она приступала к работе, – пожала плечами официантка. – И все это время ваш приятель мешает людям. Клиенты просят куда-нибудь его убрать, а мне жалко сдавать его в милицию – вроде бы приличный господин, только пьяный до безобразия.

– Большое спасибо, что вы проявили понимание, – поблагодарила я девушку. – Я вижу, ресторан у вас круглосуточный, что же вы не закрываетесь на санитарный час? Прекрасная возможность выставить засидевшихся клиентов.

– Распоряжение начальства, – фыркнула собеседница. – Полы протирают прямо при посетителях, чтобы не упускать клиентов. Вы не поверите, но один фрукт проторчал в зале четыре дня, пока жена за ним из Иркутска не прилетела. Вот он действительно замучил обслуживающий персонал – требовал, чтобы ему поставили песню «Мой номер двести сорок пять, на телогреечке печать», а у нас такой записи отродясь не водилось, у нас в основном джазовые композиции. А ваш приятель ничего, не скандалил. Интеллигентный мужчина, перебрал немного, с кем не бывает... – сочувственно улыбнулась официантка. – На столике лежит телефон, я и позвонила по последнему набранному им номеру. Это оказались вы, так что забирайте своего друга.

– Спасибо за понимание, – кивнул официантке следователь Оболенский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.